

— Докладываю князю, — Чжуан Фэй, увидев, что Ци Цзин приближается, перестал собирать цветы и, почтительно сделав полшага вперед, повел его за собой. — Господину позавчера нездоровилось, аппетит совсем пропал, а горькие отвары пить тяжело. Я хотел собрать немного цветов сливы, чтобы добавить их в еду — аромат у них тонкий, а вкус приятный. Надеюсь, это поможет господину поскорее поправиться.

— Он болен? — в голосе Ци Цзина не прозвучало особого беспокойства. — Насколько серьезно?

Чжуан Фэй окончательно убедился: сейчас Ци Цзин еще не влюблен в Чжуан Цинхуна. Если чувства и зарождаются, то они лишь на самой ранней стадии. Ничего из того, что должно было произойти — побои, принуждение, покушения и прыжки со скал — еще не случилось.

И Чжуан Фэй не собирался позволить этому повториться. У него не было времени ждать. Если события зайдут слишком далеко, он не справится с контрактом, даже если спустится с небес как божество.

— Господин принимает лекарство уже два дня, и ему стало лучше, — ответил Чжуан Фэй. — Но болезнь приходит как лавина, а уходит как тонкая нить. Аппетит и цвет лица у него все еще плохие... Сейчас господин спит, но, боюсь, сон его беспокоен...

— Чжуан Фэй. — Внезапно его руку перехватили. В отличие от его собственных, ладони Ци Цзина были теплыми. Тон князя стал странным: — Ты вечно твердишь господин да господин. Неужели Цинхун... так хорош?

Чжуан Фэй опустил глаза, изображая полное послушание:

— Господин оказал мне великую милость, я ни на миг не смею этого забыть. Моя жизнь принадлежит господину, поэтому естественно, что я во всем ставлю его интересы превыше всего.

— Милость спасения жизни? — Ци Цзин насмешливо хмыкнул. Неизвестно, сколько в этом было издевки. Он грубо поддел подбородок Чжуан Фэя, заставляя того поднять голову. Чжуан Фэй позволил князю смотреть на себя тяжелым, агрессивным и сложным взглядом. Пальцы Ци Цзина сжались сильнее, причиняя боль, и в конце концов князь холодно усмехнулся, подавшись вперед: — Всего лишь смазливая мордашка, не смей посягать на то, что тебе не принадлежит.

Глаза Чжуан Фэя едва заметно блеснули, но никто этого не заметил.

Ци Цзин слегка усмехнулся, глядя на то, как дрожат ресницы юноши — это выглядело донельзя мило. Он невольно сделал еще два шага вперед, и их дыхание смешалось.

На губах ощутилось давление. Ци Цзин большим пальцем начал растирать и давить на губы

Чжуан Фэя, и вскоре бледная кожа окрасилась в ярко-алый, подобно лепесткам сливы. От прилива крови губы начали гореть и ныть, но Чжуан Фэй не осмеливался вырваться из оков князя, лишь изо всех сил отвернул голову, чтобы горячее дыхание Ци Цзина не опаляло его ухо.

Лю Синь, стоявший поодаль, внезапно побледнел. Он поспешно закрыл глаза и опустил голову, подавляя бурю эмоций, рвавшихся наружу. В конце концов, он лишь сжал кулаки, выдавая свое истинное состояние.

Ци Цзин с удовольствием наблюдал, как Чжуан Фэй затаил дыхание. Когда юноша повернул голову, князь увидел его длинную изящную шею. Под фарфоровой кожей проступали тонкие жилки, от которых, казалось, исходил тонкий аромат. Ци Цзин сделал шаг вперед и уткнулся лицом в шею Чжуан Фэя. Почувствовав сопротивление и напряжение юноши, он невольно усилил хватку, а второй рукой властно обхватил его за талию, лишая возможности отстраниться.

Он глубоко вдохнул, упиваясь теплом кожи, затем коснулся губами шеи и слегка провел по ней языком.

Чжуан Фэй изо всех сил сжал корзинку с цветами, терпя унижение. Но, подняв глаза, он увидел Чжуан Цинхуна, стоявшего в дверях. Неизвестно, как много он успел увидеть. Сердце Чжуан Фэя ухнуло в бездну, все чувства сменились отчаянием. Его колени подкосились, и в голосе зазвучала паника:

— Господин...

Ци Цзин замер и отпустил Чжуан Фэя.

Чжуан Цинхун стоял в проеме. Даже будучи больным, он выглядел ошеломляюще красиво, но его взгляд был холоднее зимнего снега. Чжуан Фэй вздрогнул. Чжуан Цинхун даже не взглянул на него, лишь скользнул равнодушным взглядом по Ци Цзину.

Ци Цзин на мгновение изменился в лице, но тут же принял привычный вид. Игнорируя Чжуан Фэя, он быстро шагнул вперед:

— Цинхун...

— Прошу князя уйти, — произнес Чжуан Цинхун. — Я болен и не могу принять вас. Если князю так приглянулся мой слуга, забирайте его с собой, чтобы не мозолил глаза.

В этот раз Чжуан Фэй уже не мог устоять на ногах. Он опустился на колени и отвесил низкий поклон, долго не поднимая головы. Это было его единственным способом выразить свою позицию — смиренную и непоколебимую.

Компромисса быть не могло. Ци Цзин перевел взгляд с Чжуан Цинхуна на Чжуан Фэя и наконец развернулся:

— Хорошо. Я навещу тебя в другой раз.

Лю Синь, следовавший за князем, на повороте не удержался и обернулся. Среди бескрайней белизны снега темная фигура Чжуан Фэя, распростертая на земле, казалась такой хрупкой, но в то же время такой решительной.

— Что, приглянулся тебе этот мальчишка? — раздался недовольный голос Ци Цзина. Лю Синь мгновенно пришел в себя, но от одного взгляда князя по его спине пробежал холодок.

— Не смею, господин! — поспешно ответил он.

Ци Цзин хмыкнул, в его глазах застыла тьма:

— Вот и хорошо. Приставь кого-нибудь, я хочу знать, чем все закончится.

Лю Синь ответил согласием, про себя насмехаясь над собой. Чжуан Фэй, почему князь обратил на тебя внимание? Потому что ты единственный, кто никогда не смотрел на него с обожанием, и это пробудило в нем любопытство? Или потому что ты такой чистый... У меня все равно никогда не будет шанса обладать тобой.

Но как же господин Учэнь? Если князь положил глаз на Чжуан Фэя, что будет с ним? Лю Синь смотрел в спину Ци Цзина, чувствуя, как в душе смешались горечь и недоумение.

Чжуан Фэй продолжал стоять на коленях. Холод и ледяной взгляд господина пробирали до костей, он чувствовал, что вот-вот превратится в ледяную статую. В голове роились тревожные мысли: он не мог допустить, чтобы с таким трудом достигнутое равновесие рухнуло!

Даже если придется стоять здесь до тех пор, пока Чжуан Цинхун не остынет, он не отступит ни на шаг.

В моменты смертельной опасности у него было право выбора. Пока он не покинет этот мир добровольно, контракт будет удерживать его душу в теле. Если он останется жив и рядом с Чжуан Цинхуном, он сможет все исправить. Даже если тело разрушится от боли и страданий, он вынесет всё.

Спустя четверть часа взгляд Чжуан Цинхуна смягчился. Глядя на коленопреклоненного юношу, он почувствовал укол жалости и закашлялся, прикрыв грудь. Чжуан Фэй, чей лоб был

прижат к земле, тут же поднял голову, его лицо было мокрым от слез. Чжуан Цинхун на мгновение замер.

— Господин, вы еще не оправились, пожалуйста, вернитесь в дом, — Чжуан Фэй снова склонился в поклоне.

— А какая разница, вернусь я или нет? Кому до меня есть дело? — Чжуан Цинхун опустил веки, насмешливо добавив: — Раз уж ты так любишь князя, следовало уйти с ним. Зачем оставаться здесь?

— Я не люблю его, — Чжуан Фэй поднял глаза на господина, и в них читалась такая искренняя боль, что Чжуан Цинхун на секунду запнулся. — Господин спас мне жизнь, дал мне все. Я никогда не сделаю ничего, что могло бы вас предать.

— Оправдания, — с презрением бросил Чжуан Цинхун. — Даже если ты соблазнил князя Цзиня, сейчас тебе должно быть стыдно до смерти. Почему он не забрал тебя с собой? Разве такой высокопоставленный человек не может обеспечить тебе покой? Кем ты себя возомнил! Я предупреждал тебя. Похоже, у тебя слишком высокие запросы. Мой Павильон Дождя и Снега не место для тебя. Уходи.

Чжуан Цинхун взмахнул рукавом и с грохотом захлопнул дверь, больше не взглянув наружу.

Чжуан Фэй глубоко поклонился, не сопротивляясь, и прошептал:

— Я не делал ничего дурного... Господин, почему вы мне не верите?

К вечеру вся Башня Длинного Ветра знала, что Чжуан Фэй наказан. Чжуан Цинхун был гордым и высокомерным, он редко наказывал людей, но если уж брался за это... то после такого можно было и жизни лишиться.

В Квартале Цветов слабые не выживали. Все гадали, в чем провинился Чжуан Фэй. Большинство склонялось к тому, что он пытался соблазнить князя, и, в отличие от предыдущих, Чжуан Фэй оказался достаточно удачлив, чтобы не быть забитым до смерти на месте — вот что так разозлило Чжуан Цинхуна.

Господин Учэнь... это имя было лишь внешней оболочкой. Все в башне уважали и боялись его, зная, кто он такой на самом деле. Даже если князь больше не был одержим им, положение Чжуан Цинхуна оставалось незыблемым. Хозяйка Хун Ли лелеяла его, кто посмел бы пойти против?

В Башне Длинного Ветра Хун Ли была богиней. Никто не смел ей перечить.

Хун Ли, естественно, узнала обо всем первой. К тому же Лю Синь, прислужник князя, питавший слабость к Чжуан Фэю, подкупил ее, чтобы она приглядывала за юношей. Иначе она бы не стала тратить время — мало ли в башне слуг? Но если слуга приглянулся важной персоне, это был совсем другой разговор.

Во время ужина Хун Ли в сопровождении служанки и управляющего пришла к Павильону Дождя и Снега. Издалека она увидела фигуру, стоящую на коленях на каменной дорожке, уже припорошенную снегом.

— Значит, слухи о соблазнении князя — правда? — спросила Хун Ли у своей служанки Циньэр.

Циньэр, которая была знакома с Чжуан Фэем, покачала головой:

— Не думаю. Хозяйка, вы не знаете — Чжуан Фэй к господину Учэню относится... как бы сказать, с такой преданностью. Все делает сам, до мелочей. Господин спас его, он не похож на предателя.

Хун Ли покачала головой:

— Чужую душу не разглядишь. Мало ли мы видели такого?

Они подошли к павильону, и Циньэр постучала в дверь. Чжуан Фэй не шелохнулся — даже под наказанием он соблюдал правила до последней черточки. Хун Ли усмехнулась: правила — это хорошо. Если бы он их нарушал, Учэнь заставил бы его горько пожалеть.

Учэнь был жестоким человеком — и к себе, и к другим. Именно поэтому она ценила его и заключила с ним сделку. Он был ее золотой жилой, и неважно, есть ли рядом кто-то, кто его поддерживает.

Чжуан Цинхун открыл дверь и вежливо поприветствовал Хун Ли:

— Простите, что побеспокоила вас, хозяйка. Со мной все в порядке.

Его голос звучал холодно и отстраненно, как и всегда. Хун Ли улыбнулась:

— Тебе стоит беречь себя.

Чжуан Цинхун кивнул и, бросив взгляд на коленопреклоненного Чжуан Фэя, ледяным тоном спросил:

— Ты еще здесь?

Хун Ли изобразила удивление:

— О? Это ведь слуга Чжуан Фэй? В чем он провинился?

— Он... он ни в чем не виноват, — Чжуан Цинхун опустил глаза, скрывая эмоции. — Просто мой павильон слишком тесен для него, вот он и решил уйти.

Чжуан Фэй, из последних сил борясь с оцепенением, услышал слова господина и понял, что тот решил воспользоваться случаем, чтобы прогнать его. Он прикусил губу так сильно, что почувствовал вкус крови, и, собравшись с духом, почтительно поклонился:

— Господин...

Голос его звучал хрипло и неразборчиво. Тело окончательно заоченело. Не в силах больше говорить, он совершил девять земных поклонов — высший знак почтения. Каждое движение давалось ему с огромным трудом, казалось, он вот-вот упадет.

Так и случилось. На последнем поклоне Чжуан Фэй не смог подняться, его тело обмякло, и он потерял сознание, непроизвольно свернувшись калачиком от холода. Хун Ли, уже приготовившаяся просить за него, замолчала. Она хотела выступить в роли доброй хозяйки, но теперь ситуация требовала осторожности.

— Учэнь, как думаешь, что с ним делать? — Хун Ли снова улыбнулась, пытаясь прощупать почву. — Мне кажется, он не из тех, кто льстит ради выгоды... Может, вышло недоразумение?

Она не упустила того мгновения смятения в глазах Чжуан Цинхуна. Как забавно — за все время, что он в башне, когда он проявлял хоть каплю доброты? Значит, Чжуан Фэй действительно не хитрил. Но это неважно. Важно то, как сделать так, чтобы оба остались ей должны.

— Конечно, если он тебе не нужен, отдай его мне. Я найду тебе кого-нибудь получше, — предложила она.

Чжуан Цинхун нахмурился и, наконец, тяжело вздохнул:

— Хозяйка, с Чжуан Фэем все в порядке. — В этом вздохе сквозила грусть. — Пожалуйста, вызовите врача для Павильона Дождя и Снега.

Хун Ли была слишком опытна, чтобы не понять намека. Чжуан Цинхун был слишком горд, чтобы добровольно служить князю. Мужчины, долго живущие в такой среде, неизбежно становятся раздражительными. Видимо, князь положил глаз на Чжуан Фэя... Хун Ли взглянула на лежащего юношу. Она знала его — красивый, покорный, преданный Учэню. Наверняка князь увидел в этом повод для унижения Учэня. Хун Ли никогда не верила в любовь, только в

сделки.

Интерес к происходящему у нее пропал. Она согласилась позвать врача и ушла, приказав никому не болтать, чтобы не испортить отношения с князем.

Врач пришел быстро, осмотрел Чжуан Фэя и покачал головой. Сердце лекаря сжалось от жалости, но он ничего не мог поделать с нравами Квартала Цветов. Он не стал выписывать дорогих лекарств — в этом месте жизнь слуги не стоила ломаного гроша. Если выживет — значит, судьба, если нет — значит, так тому и быть.

Чжуан Цинхун стоял рядом, погруженный в свои мысли. Он видел подобное много раз. В его душе шла борьба. Он понимал, что Чжуан Фэй может умереть, и в глубине души мелькнула страшная мысль: если он умрет здесь, это будет даже справедливо. Но эта мысль вызывала лишь раздражение. Может, дело в верности Чжуан Фэя? Он был готов пожертвовать даже таким преданным человеком ради своих планов, и теперь его мучила совесть.

После ухода врача он сел на край кровати и смотрел, как лицо Чжуан Фэя из пепельно-бледного становится пунцовым. Болезнь развивалась стремительно. Жар был таким сильным, что кожа юноши казалась раскаленной.

— Упрямец, — прошептал Чжуан Цинхун, и на его губах появилась холодная, горькая усмешка.
— Если бы ты ушел, ты бы выжил. Разве жизнь — не самое важное?

Если он говорил, что обязан ему жизнью, то разве отдать ее — такая уж большая жертва? Но когда он успел спасти жизнь Чжуан Фэя?

Если он умрет сейчас, даже лучше. То, что ему предстояло сделать, было по-настоящему опасно. Чжуан Цинхун закрыл глаза. Он помнил слова Чжуан Фэя о том, что тот не хочет становиться изгоем, поэтому готов был идти за ним в огонь и в воду. Но они были слишком низки, он не мог его защитить.

Князь уже начал подозревать его.

Смешно. Он думал, что даже без взаимности их общение могло перерасти в некое подобие дружбы. Но он ошибся. Люди, стоящие у власти, всегда слишком самонадеянны.

Я не могу тебя защитить. Поэтому, Чжуан Фэй, может, лучше, если ты умрешь сейчас?

— Господин, господин... — хриплый, едва различимый голос прервал его раздумья. Чжуан Цинхун с удивлением посмотрел на Чжуан Фэя — тот бредил в горячке.

— Чжуан Фэй не предавал вас, не соблазнял князя... — из плотно сжатых глаз юноши текли слезы. Он выглядел как потерявшийся ребенок. — Чжуан Фэй не смел мечтать о господине Лю, Чжуан Фэй хотел лишь остаться рядом с вами...

Почему? Даже в беспамятстве он говорит это? Неужели пара месяцев доброго отношения заставили его так привязаться? Люди не бывают такими простыми. Но сейчас он не мог лгать. Чжуан Цинхун, словно замороженный, склонился к самому уху Чжуан Фэя:

— Почему?

Ответа не последовало. Лишь тихий стон. Жар, исходящий от тела Чжуан Фэя, почему-то заставлял его оставаться рядом. Чжуан Фэй, это твоё последнее тепло. Скоро ты станешь таким же холодным, как моя мать и тетюшка Чжи.

— Господин, — Чжуан Цинхун отвечал на каждый стон — это была его последняя, жестокая доброта.

— Чжуан Фэй... любит тебя.

Чжуан Цинхун, привычно ответив, вдруг замер. Он резко поднял голову. Чжуан Фэй лежал в беспамятстве, лицо его искажала мука. Чжуан Цинхун сжал кулаки, больше не в силах оставаться равнодушным. Он послал человека за надежным врачом, приказав ему поторопиться, и остался сидеть у кровати, чувствуя, как в горле застрял ком.

Любовь? В Башне Длинного Ветра такие чувства были под запретом, поэтому он никогда не задумывался, почему Чжуан Фэй так предан ему.

Неудивительно, что когда он запрещал ему мечтать о Лю Сине, Чжуан Фэй был так подавлен. Это была любовь, которую нельзя выразить словами. Она терзала его каждый день.

Каждый раз, когда приходил князь, Чжуан Фэй уходил не из страха, а потому что не хотел видеть их «гармонию»? Когда князь издевался над ним, как же страшно ему было, как же он терпел, боясь навлечь беду на господина! А когда он сам насмехался над ним... как же больно ему было.

Если он умрет, так и не получив прощения... он не сможет закрыть глаза даже в смерти.

Снова... я снова совершил ошибку.

Врач пришел быстро. Осмотрев Чжуан Фэя, он помрачнел. Под пристальным взглядом Чжуан Цинхуна он не посмел халтурить. Врач оставил Чжуан Цинхуна и своего ученика, чтобы начать иглоукалывание.

<http://bllate.org/book/21679/2236326>